

Прелестная эпоха,
или
В общем, все умерли.

Родионова Юлия

Юлия Родионова
Прелестная эпоха, или
В общем, все умерли

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71877451
SelfPub; 2025*

Аннотация

В сборнике "Прелестная эпоха, или В общем, все умерли" все гротескно, смешно, но и уютно, как было уютно в XIX веке, когда царствовали старинные дворянские усадьбы и вышколенная прислуга, пелерины, турнюры, шляпки а-ля Альбертино, фисташковое суфле в кондитерской Прянишниковых на Невском и статские советники, делающие предложение, с достоинством опускаясь на одно колено...

Ну и да, они потом помирают. Но от этого не становится грустно, как не становится грустно в цирке, когда один клоун бьет другого по голове большой, надувной, разноцветной битой. Гротеск есть гротеск.

Содержание

Безмятежное утро в усадьбе.	4
Про любовь.	8
Фрол.	10
Суфражистка Оленька.	13
Верблюд Алексей Данилович.	16
Как Боба к падшим женщинам уходил.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юлия Родионова

Прелестная эпоха, или В общем, все умерли

Безмятежное утро в усадьбе.

Солнечное, свежее после ночного дождя утро. Хрустальными каплями сверкает роса на траве. В кронах старых деревьев перекликаются птицы. Легкий, невесомый пар поднимается над землей, делая все видимое мерцающим и нереальным. И тишина. Спокойная, уверенная в себе, глубокая тишина деревенского, умиротворенного утра. Первая ступенька крыльца, еще немного влажная, уютно поскрипывает, приглашая усесться на нее, чтобы укутаться золотистым, мягким, утренним солнцем и насладиться покоем. Старый дом еще спит. Спит старая, винтовая лестница. Спят большие, искусно расписанные тарелки, выставленные в старинном дубовом шкафу со стеклянными дверцами. Спит большой, на толстых с бамбошками ногах, парадный стол. Спят на стенах картины в широких, узорчатых рамах. Спят травы, развешанные сушиться на чердаке. Это от них по всему дому стелется мягкий, медовый аромат лета, да привкус далекого, плывущего через поля дыма; да немного кожаное дуно-

вение от конюшни, где фыркают, переговариваясь между собой, лошади; да нежными волнами накатывающие ароматы сада, где просыпаются после короткой, летней ночи цветы.

Она лежала на садовой дорожке. Молодая, красивая, бездыханная.

Прохор Степаныч, которому было доложено и который, не мешкая, прибыл на место, с трудом отдышавшись, внимательно рассматривал тело. Из-за плеча управляющего выглядывал Федька Косой.

– Не наша, – непочтительно шмыгнув носом проговорил Федька.

– И слава богу, что так, – пробормотал Прохор Степаныч. – Но наша-не наша, а лежит у нас. Непорядок. Надо принять меры, пока барин не проснулся. Давай-ка, Федор, оттащи ее к полю. Авось, не заметят. А там придумаем что-нибудь.

– Далеко! Да и не можно, дяденька, – заканючил Федька, – пристава звать надобно, а до его прибытия трогать покойницу не нужно – заругают.

– Смотри, как бы я не надумал ругаться. Волоки, говорят тебе. А ты, Степка, помоги Федору, – обратился управляющий к нему мальчонке, который первым и обнаружил бездыханную в саду. Долго же ему пришлось руками махать, прежде чем Прохор Степаныч понял, куда бежать следует.

Федька, всхлипнув, взвалил тело на плечо, неаккуратно приложив головой молодую да красивую о пень, который

по осени специально не стали выкорчевывать, а оставили торчать по новой английской методе ведения сада. Раздался неприятный звук. Тело вздрогнуло и обмякло.

– Ой, дяденька, а чего это она? – всполошился Федька.

– Чего, чего! – вскричал потрясенный Прохор Степаныч. – Умертвил ты барышню! Сей момент! Не тогда она была мертва, а сейчас только. Степка, безъязыкий ты болван! Мертвая, мертвая! Объясняться надо было понятней! Что же делать? Что же делать? – степенный и величавый до недавнего времени управляющий задрожал губой, затряс щеками.

Федька, утомившись держать тяжелое тело, опустил его на землю. Еще не остывшее, оно мягко легло на хорошо утоптанную дорожку, голова произвольно мотнулась и вновь приложилась темечком о тот же пень. Может показалось, а может и нет, но ресницы покойницы взметнулись, взгляд на мгновение прояснился, но тут же поплыл, остекленел.

– Ирод проклятый! – взревел Прохор Степаныч. – Второй раз умертвил! Сибирь! Каторга! Кандалы! Пдщщщ... Управляющий зашипел, стал тревожно-пунцовым и тяжело осел на дорожку рядом с преставившейся в третий раз девицей.

Федька икнул, неловко подполз к Прохору Степанычу, приложил ухо к губам старика, долго слушал, надеясь услышать жизнь, но не услышал. Неторопливо поднялся, поманил к себе Степку. Оба встали перед почившим Прохором Степанычем, стащили с вихрастых голов картузы, постояли,

погрустили и пошли прочь со двора, оставив лежать на садовой дорожке молодую, красивую, незнакомую, но навсегда уже бездыханную девицу и управляющего с лицом, медленно принимающим нездоровый, мертвенный цвет.

Солнце жизнерадостно согревало теплом благоухающий сад, обещая дневную, томительную жарь и долгие, наполненные нежностью, покоем, счастьем, остывающие вечера.

Про любовь.

– Сударыня, Вы мне неприятны! – воскликнул корнет и застрелился.

Сударыня мигнула и пошла дальше по Невскому. Невский был прекрасен, как бывает он прекрасен уходящей весной. Устало отходил май, передавая дела июню, как достойная уважения хозяйка, распорядившаяся подготовить все к званому обеду, намыть и украсить дом перед приходом гостей. Теперь пусть приходят, радуются – все готово. Май убрал грязь с мостовых, распустил ароматные грозди сирени, осветлил ночи, запустил соловьев. Май украсил дам. Мило-стиво позволил им снять тяжелые одежды, переодеться в легкое, нарядное, веселое. Поплыли по улицам столицы кружевные зонтики и летние шляпки всех мыслимых цветов и фасонов. Над Невским – главным местом встреч и свиданий – вились шлейфы кофея, пирожных с нежным заварным кремом и приятно щекочущих ноздри одеколонов от Роже и Галле, столь популярных в этом сезоне.

Сударыня неторопливо прогуливалась по прошпекту. Изпод кокетливой шляпки а-ля паж Альбертино выглядывал очаровательный нежно-каштановый завиток, старательно уложенный в куафёрной мадам Стрельцовой, что на Петербургской стороне. Сударыня незаметно любовалась искусно закрученным завитком, да и самую собой, отражаясь

в больших нарядных витринах, которых, как известно, так много на Невском. Сударыня зашла в кондитерскую купцов Прянишниковых, откушала там фиалкового суфле, которое поливается таким прелестным соусом, что и передать невозможно, посидела еще и после суфле в мягком, обитом розовым бархатом кресле, повертелась в дамской комнате, с удовольствием разглядывая свое очаровательное платье в огромном, старинном зеркале, изгибаясь и стараясь заглянуть себе за спину, чтобы увидеть, как там лежат красивые, новомодные складки, что отважно заложили на платье в ателье «Отменнейшие наряды для дам».

Сударыня шла по Невскому, улыбаясь и нежно щурясь на веселое, яркое солнце. Прошла она до Большой Конюшенной, прошла и ее, свернула на Волынский переулок, купила у цветочницы букетик первых ландышей, дошла до набережной реки Мойки, да там и утопилась.

Просто любила она этого глупого корнета. А он, болван, взял и забрызгал ее новое платье своей кровью.

Фрол.

– Николай Петрович, голубчик, дайте-ка я веревочку поправлю. Совсем запуталась окаянная. Не приведи бог, шейку натрет. Что ж Вы, милгосударь, пуфичек так далеко отставили? Оттолкнули-с что ли? Да и туфля с ножки слетела. А ножка-то, ножка! Ледяная! Застудитесь ведь! Ой, и собачка Ваша драгоценнейшая здесь!

Фрол суетился возле барина, привычно стараясь угодить. Заботливо пододвигал мягкий пуфик с жемчужной пупочкой по центру, долго искал персидскую туфлю с вызывающе загнутым носом, поправлял полы бархатного, темно-синего китайского халата, которые упрямо не хотели чинно прикрывать белейшие ножки барина. Каминные часы с серебристым звоном пропели семь раз.

Фрол пробыл в спальне еще с четверть часа, то раскладывая шитые золотом подушки, до того в беспорядке раскиданные на кровати, то составляя на серебряный поднос хрустальный ополовиненный штоф и тонкие, изящной работы рюмочки, то прибирая со стола какие-то неоконченные записки, залитые то ли слезами, то ли шампанским. Наконец, пятясь спиной к двери и часто-часто благоговейно кланяясь, слуга покинул барские покои. Бодро семеня старческими, но еще сильными ногами в мягких чухонских чунях, – барин великодушно подарил на Рождество девять лет назад. Дай

бог ему здоровья и долгие лета! – Фрол прошел по утренней, еще темной анфиладе. Привычно остановившись у парадного портрета Николая Петровича, перекрестился, влюбленно глядя на портрет, поцеловал отменно написанную художником-французом ручку барина и, поклонившись в пояс, проследовал дальше, пока не добрался до кухмистерской. Барин–ясный сокол наказал называть кухмистерскую вместилищем божественных ароматов. Так и сказал: «Вместилище». Фрол запомнил.

Войдя в полное, как было ранее сказано, божественных ароматов помещение, Фрол увидел обычно суетливую, но нынче бездвижно сидящую кухарку Авдотью с опухшим лицом и разъявленным в немом плаче ртом.

«Вот ведь бабы!» – недовольно подумал Фрол и громко приказал подать ему крепчайшего чаю с сушками, добавив строго, что после чая ему немедля следует направляться обратно к барину помогать одеваться к завтраку.

– Какого чаю?! – взорвалась Авдотья, воздев к небу свои красивые, полные, словно две половины небесного светила, как выразился бы поэт, руки.

– Крепчайшего! – нахмурился Фрол и решительно встал из-за стола.

– К какому барину?! Повесился твой барин! Записку еще написал. На столе валялась. И собаку свою повесил. Сначала собаку, а потом са-а-ам!

– Дура! Я был у него только что!

Тут, как пишут в старинных романах сочинители, на Фрола снизошел свет ясности и понимания, сорвав, так сказать, все покровы тайны. Старик внезапно задохнулся, взвыл по-чище дуры Авдотьи, покачнулся и рухнул на чисто вымытый хорошо вышколенной прислугой стол.

Суфражистка Оленька.

– Хочу, маменька, быть суфражисткою, – пухленькая, обычно улыбчивая Оленька, сейчас отнюдь не улыбалась. Она была решительна и строга.

– Кем, кем, ангел мой? – Софья Савельевна удивленно подняла брови, оторвавшись от вышивания сложнейшего узора на подушке-думочке, что задумала подарить супругу своему в честь его именин, которые приходились в аккурат на Иванов день. Надо отметить, что Софья Савельевна была искусной вышивальщицей, славившейся на всю губернию.

– Суфражисткою, – повторила Оленька и ножкой топнула, – какая Вы, маменька, право слово, непонятливая! Все об узорах и подушках своих думаете! А я хочу штаны носить и волосья остричь.

– Побойся бога, душенька, суфражистки штанов не носят. Они ходят толпами и кричат разное, но в платьях.

– И я буду кричать разное, – насупилась пламенеющая щеками душенька, – но в штанах. И волосья отстригу, будете знать.

– Голубушка моя, не волосья, а волосы, – с ангельским терпением поправила дочь Софья Савельевна. А про себя с горечью добавила: «И зачем мы только держали эту Эмильку гувернантку? Ничему толковому Оленьку обучить не смогла!»

– Ах, оставьте, маман! Вы закостенели! Как хочу, так и буду говорить! – продолжала возгораться Оленька.

– Отчего же ты сердишься, свет мой? – Софья Савельевна с сожалением отложила свою работу, понимая, что, если вступило в голову ее дочери, – кто ж ее замуж-то возьмет, такую упрямую и бестолковую?! – то Оленька будет стоять на своем, пока вся не пойдет пунцовыми пятнами, – и не закостенеет я. Отчего ты так говоришь? Только про штаны лишнее. Барышне в штанах уж никак нельзя.

– Конечно, Маньке бесноватой вон можно, а мне нельзя! – уже со слезами воскликнула барышня.

– Манька дворовая – бесовское отродье. Я вон папеньке твоему, Григорию Павловичу, пожалуйюсь, так он прикажет Маньку эту выпороть да в другое имение сослать, чтобы глаза не мозолила и видом своим мысли барышням не путала. Да что о беспутной говорить-то? Утри, свет мой, слезки, да пойдй переоденься к обеду. Скоро молодой Роман Степанович приедут, может и свататься станут, как знать!? А ты и не одетая нарядно. Ступай, ступай, красавица. Глашка вон и платье, шитое по последней моде, тебе приготовила.

– Вам, маменька, нипочем меня не понять! – воскликнула Оленька. – Вот пойду и отравлюсь я!

– Да, пожалуйста, делай, как знаешь – невнимательная Софья Савельевна уже волновалась о другом – к дому подкаtywала коляска Романа Степановича, – только переоденься. Да поторопись.

Оленька, размазывая слезы, скрылась в своих комнатах. Там она, торопясь достала из ящичка стола маленькие серебряные ножнички, отрезала, уж как сумела, свои волосы, переделась в спрятанные ранее под периной штаны, обмененные у Маньки бесноватой на шелковую ленточку, и выпила два стакана отравы для мышей.

Не быть ей суфразисткою, да и мать наказала делать, как знаешь.

Верблюды Алексей Данилович.

Алексей Данилович вторую неделю лежал в диванной и мнил себя верблюдом. Шут его знает, что повлияло на выбор Алексея Даниловича: то ли посещение Зоологического сада, где обнаружился бурого цвета зверь с двух горбах, то ли весна, которая внезапно обрушилась на страдальца и принесла с собой смятение, нарушив равновесие в хрупкой его душе? Но так или иначе Алексей Данилович мнил себя верблюдом и, когда жена вносила в диванную бульон в глубокой фарфоровой чашке, Алексей Данилович смотрел на свою супругу томными верблюжьими глазами и плевался.

– Голубчик мой, Алешенька, скушайте бульону. Он полезный, укрепит Ваше здоровье, – шептала Ольга Павловна, почтительно ставя перед Алексеем Даниловичем бульонную чашку и поспешно отходя, чтобы плевок (а Алексей Данилович наловчился плевать внезапно и метко) не запачкал платье.

– Какой я Вам голубчик? – нехотя, лениво растягивая слова отзывался Алексей Данилович. – Сказано, верблюды я. И попрошу ценить мой выбор. Я сильное и независимое животное.

– А как же служба, Алешенька? – Ольга Павловна робко подняла глаза на супруга. – Опять не пойдете?

– Какая служба? Ну какая служба? Я скитаюсь по без-

брежным просторам пустыни. Я верблюд. Я выносливый. Я ...

Ольга Павловна закрыла лицо руками и заплакала. Ольга Павловна, надо заметить, была тиха, скромна и безмерно уважала своего благоверного, в какой бы ипостаси тот не находился, да хоть бы и в верблюжьей. Но сейчас даже ее ангельское терпение подходило к концу. И тем быстрее подступал этот конец, чем более взбалмошным становилось поведение Алексея Даниловича. А ведь были уже оклеены по-новому стены в диванной, где обосновался новоявленный верблюд. Содран был со стен прекрасный французский голубой атлас и поклеена скверной выделки бумага в цвет песка пустыни. И заплеваны были, а после и убраны богато расшитые подушки невозможного для Алексея Даниловича зеленого колора. Куплены же новые – всех оттенков бескрайней пустыни, – и выложены барханами по всей комнате.

Смотрела на все это песочное царство Ольга Павловна, и мерк свет в ее любящей душе. Удушила же Ольга Павловна Алексея Даниловича после того, как посыльный принес песочного цвета коробку, в которой обнаружилось песочного же цвета платье, купленное супругом в подарок ко дню свадьбы.

Нет, не нравились тихой Ольге Павловне цвета пустыни. Ей нравились все оттенки моря. И уже неделю был у нее тайный любовник Владимир Богданович, служивший в жандармерии и мнивший себя китом.

Как Боба к падшим женщинам уходил.

Борис Федорович вид имел потерянный. Не сейчас, не нынче, а всегда. Словно вывели его на светлый праздник Пасхи в Александровский сад гулять, да там и потеряли, забыли на скамейке за вазоном. Борис Федорович был лысоват, толстоват и сильно потел, за что маменька его, Олимпиада Гавриловна, часто ругались. Бывало, выйдет к завтраку Борис Федорович, влекомый ароматами свежих сдобных булочек с изюмом, да кофея заморского, что из магазина Елисеевых доставили за 5 рублей с полтиною, да сливок топленых, жирненьких, да цукатов, которые отменно изготавливает кухарка Аглая Петровна. Выйдет весь томный со сна. А сонто, сон – расчудеснейший приснился – весь сплошь про женщин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.